

АННА ШНАЙДЕР

МАКСИМАЛИСТ

Анна Шнайдер

Максималист

<https://litres.ru/74204728>

Аннотация

Вернувшись из командировки чуть раньше, я застала мужа и младшую сестру за недвусмысленным занятием. Как в анекдоте, правда? Вот только мне совсем не смешно...

История Макса Юрьевского. История Олеси - "Чудовища не ошибаются". История Сергея Мишина - "Мне не стыдно".

Содержание

1	4
2	11
3	23
4	27
5	31
6	34
7	39
8	48
9	55
10	58
11	62
12	69
Конец ознакомительного фрагмента.	75

1

Ни разу в жизни не впадала в ступор. До сегодняшнего дня. А мне двадцать семь, как-никак.

Хотя... ступор – это, наверное, слишком цензурное слово.

Гораздо позже, когда я стояла на улице и нервно курила сигарету за сигаретой, мне вдруг подумалось, что надо заниматься не скучной и банальной рекламой, как я, а организацией тренингов. Да-да, тренингов на тему: «Что делать, если вы застали благоверного в процессе измены».

Ключевое слово – в процессе.

Я ведь раньше такого никогда не видела. Привыкла быть частью процесса, а не наблюдать извне. А тут – классика анекдотического жанра, только наоборот – жена вернулась из командировки на день раньше. Очень радостная жена, да. Купила по дороге сёмгу, шампанское, торт – всё как положено, чтобы отметить возвращение себя любимой. Андрею ничего не сказала, хотела сделать сюрприз.

Ну... в общем, сюрприз был. Только для меня.

Когда я открыла дверь в квартиру, то даже улыбнулась, услышав громкую ритмичную музыку, доносившуюся из большой комнаты. Пять вечера, а Андрей дома – как замечательно!

Замечательно, ага...

Я никогда не смотрела порнофильмы, поэтому не пред-

ставляла, что процесс совокупления со стороны выглядит так... непривлекательно. А уж когда партнёрами по сексу являются твой любимый муж и младшая сестрёнка, этот процесс становится не просто непривлекательным, а по-настоящему тошнотворным.

Они меня не заметили, полностью увлечённые друг другом. И не услышали, как я вошла – музыка грохотала на полную мощность. А я застыла на пороге, не представляя, что делать дальше. Глупая радостная улыбка сползла с моих губ, как капля воды сползает по стеклу во время дождя.

Да уж... к такому жизнь меня не готовила...

Закричать? Подойти и постучать мужа по спине? Мол, дорогой, хватит уже, твоя жинка пришла, молочка принесла. То есть, сёмги и шампанского...

Или развернуться и уйти?

Ага. Из собственной квартиры? И куда?!

Жаль, но я совершенно не представляла, что полагается делать в подобных случаях. Не знала, так сказать, правил этикета. Когда видишь старушку в автобусе, надо уступить ей место. А если видишь, как твой собственный муж занимается сексом с другой женщиной?

Что, нет идей? Кто там говорит «прибить»? Нет уж, никаких трупов в моей квартире.

Но дело не только в «другой женщине». Женщина-то эта – Сашка, сестра моя родная. Младшенькая, любимая и обожаемая.

Я обессиленно прислонилась к дверному косяку и решила дождаться конца представления, мысленно поблагодарив участников сего действия за то, что включили музыку. Если судить по сестринским губам, она не стеснялась кричать от удовольствия. Не хотела бы я услышать эти крики... И так тошно.

Наконец Андрей затрясся и упал на Сашку, чмокнув её в щёку. Вот милахи. Прямо умру сейчас от умиления.

Сама же Сашка, покрасневшая и счастливая, открыла глаза, улыбнулась... и вдруг заметила меня.

С лица сестры разом схлынули все краски, будто кто-то провёл губкой по ещё не высохшей картине. Она что-то сказала, и Андрей, распахнув глаза, вскочил с неё, зачем-то прикрывая руками причинное место. И чего я там не видела?

Метнулся к музыкальному центру и одним резким движением вырубил его. А потом тут же воскликнул:

– Свет, это не то, что ты думаешь!

Я же говорю – классика жанра.

Я глупо хихикнула и захлопала в ладоши, чувствуя, что вновь начинаю улыбаться. Только вот это была уже совсем не та улыбка, с которой я входила в квартиру.

– Браво! – сказала я и удивилась, что голос не дрогнул. – Это было великолепно. Мне понравилось. Почти порнофильм, только с эффектом присутствия. Непередаваемые ощущения. Потрясающе. Очень мило. Восхитительно.

Кажется, меня понесло... Все синонимы подобрала, какие

могла.

Хотя... скорее, антонимы. Какое уж тут «мило» и «восхитительно», если на твоих глазах за пару минут двое самых дорогих и любимых тобой людей полностью и целиком разрушили твою жизнь?

– Свет... – Сашка начала вставать с дивана, но я замахала на неё руками.

– Нет-нет, что ты! Лежи-лежи. Ты, наверное, утомилась. А я пойду, пожалуй. Не буду вам мешать.

Я метнулась в коридор. Сумки с праздничными продуктами сиротливо стояли возле двери, и я со злостью пнула их ногой, быстро нацепила сапоги, куртку, загремела ключами.

И тут из комнаты, на ходу натягивая штаны, пропрыгал Андрей.

– Стой, Света! – голос его звучал так жалко и умоляюще, что мне стало ещё хуже и захотелось кого-нибудь ударить. Хотя... почему это – кого-нибудь?

Я усмехнулась, повернулась к своему теперь уже почти бывшему мужу, замахнулась – и со всей дури заехала кулаком ему прямо в нос.

Раздался хруст и дикий вопль. Андрей отлетел от меня, а я, продолжая ухмыляться, потрясла ноющей рукой и вышла из квартиры.

Улица встретила меня легким морозцем и небольшим снежком. Какой милый и безмятежный мир. Странно, что он не рухнул за эти пять минут.

Я-то вся порушилась. Покосилась, как Пизанская башня. Хотя... покосилась – это всё-таки слишком слабое слово. Зря я ушла, наверное. Надо было их выгнать, квартира-то моя. Но ёлки зелёные, лимоны жёлтые... Честно, ещё немного – и правда убила бы. Обоих.

Я задумчиво зашагала вниз по улице, раздумывая, что теперь делать. Даже напевать начала с растерянности.

– Куда пойти, куда податься... Кого найти, кому отдать-ся...

На третьем разе я поперхнулась и закашлялась, подумав: а почему бы и нет? Андрей мне изменил, найду себе мужика – и тоже изменю. Нет, после этого я всё равно разведусь, конечно. Но вдруг не так тошно будет?

Да ну тебя, Светка. Ещё тошнее. Все твои знакомые и более-менее симпатичные мужики давно и прочно женаты, а трахаться с незнакомцами ты не могла даже в лучшие годы жизни. Это высший пилотаж, а ты пилот-любитель, сама знаешь.

Я вздохнула и посмотрела по сторонам. Магазин «Продукты». Может, зайти, купить что-нибудь эдакое... гадостное. Например, шоколадку, от которой потом будешь чесаться даже в самых неожиданных местах. Или чипсы.

Хотя это не важно – в любом случае ты, Светка, будешь чесаться. Ты всегда чешешься, когда нервничаешь. Хотя сейчас-то чего нервничать? Всё уже случилось. У них, по-видимому, это не в первый раз.

Любоф, ага. Как говорила героиня фильма «Любовь и голуби»: «Кака така любоф?»

Вот така...

Телефон в сумке пронзительно зазвонил. Кто бы ты ни был, неведомый абонент – иди в баню. Не до тебя сейчас.

В магазине два мужика покупали водку и кильку, тётка за ними – курицу, картошку и помидоры. М-да. Сразу видно, кто чем планирует заниматься в пятницу вечером.

А ты, Светка, чем будешь заниматься?

– Дайте-ка мне вон тот коньяк, – кивнула я на бутылку повыше и подороже. – И сигареты.

– Паспорт покажите, – пробубнила кассирша и уставилась на меня рентгеновским взглядом супермена. Точнее, супервуменши.

В нашей стране это нормально – когда на кассе у тебя спрашивают возраст практически до пенсии. Меня это даже почти не раздражает.

Я показала паспорт, кассирша кивнула и подняла свой величественный зад со стула, чтобы достать мне коньяк. Вернулась и задала резонный вопрос:

– Сигареты-то какие?

– Э-э-э... – я задумалась. – Какие-нибудь покрепче.

– «Парламент» пойдёт? – лениво спросила тётка.

Да хоть «Конгресс», лишь бы вштырило. Так что я кивнула, забрала свои гадости и вышла на улицу.

Ну, и чего теперь?

«Кому отдаться» мы отмели из списка дел, а «куда пойти, куда податься» – нет.

Блиzkих подруг у меня две. Но одна в затяжном отпуске на другом конце планеты, а вторая три недели назад родила и ей, мягко говоря, сейчас не до подруг.

Остаётся последний вариант. Топай ты, Светка, в офис. Там в пятницу темно, тихо и мухи не кусают. Сядешь тихонько в своём уголочке, надерёшься, а потом ляжешь спать в переговорной. Там как раз удобный такой диванчик недавно поставили...

А утро вечера мудренее. Утром надо будет подумать, что дальше делать и как жить. А пока – в офис.

Как там... В любой непонятной ситуации иди на работу? Вот точно.

Только в метро я поняла, что рука у меня не просто ноет – она, кажется, сейчас отвалится на фиг. Это как же я Андрею в нос заехала? Может, у него и нос того... отвалился?

А хорошо бы...

Я зашла в аптеку рядом с офисом, прикупила мазь от ушибов и синяков. Приду на своё родное местечко – помажу руку. Рабочий инструмент, как-никак.

Охранники смотрели на меня, вытаращив глаза, когда я вся такая важная (и старательно прижимающая к себе паке-тик с коньяком, чтобы не бряцал) прошла в офис. На часах было начало восьмого. Вечера, естественно.

Вы когда-нибудь приходили на работу в семь вечера? Вот. Я тоже не приходила. Ну ничего, всё когда-нибудь бывает в первый раз.

Выйдя из лифта на нашем родном шестнадцатом этаже, я невольно задумалась. Ты, конечно, Светка, молодец. Коньяк купила, сигареты тоже (полпачки на улице выкурила – башка теперь раскалывается...)

А закуска, закуска-то?!

Что там к коньяку полагается? Лимоны?

Я протопала к автомату с шоколадками и прочей мутью. Пятница, вечер... За рабочую неделю автоматный ассортимент изрядно поредел. Так что на меня грустно глядела

жвачка, «Баунти» и чипсы «Лэйс» с луком и сметаной. Бяка какая. Не люблю лук.

Лимонов, понятное дело, автомат офисным работникам не предлагал. Так что пришлось довольствоваться «Баунти».

Офис был безжалостно пуст. Конечно, пятница всё-таки... Дураков нет, торчать тут сверхурочно, рабочий день-то до шести.

Эх, даже айтишников нет. А я надеялась с ними коньячком поделиться. Значит, не судьба.

Телефон в очередной раз начал разрываться, и я раздражённо покосилась на сумку, вынула его, посмотрела на экран – ну точно, Андрей. Наверное, хочет узнать, утопилась я уже или только собираюсь.

Нет, милый, не дождёшься.

Я тихонько юркнула на своё рабочее место. Было оно в укромном закутке, недалеко от кабинета генерального. Но там, понятное дело, уже нет никакого генерального – наш Максим Иванович обычно в пять вечера уходит.

Сначала я помазала повреждённую носом Андрея руку, затем открыла коньяк, налила чуточку в заныканный когда-то давно пластиковый стаканчик, зашуршала шоколадкой. Живём.

Честно говоря, алконавт из меня всегда был не очень. С моим-то гастритом... Примерно на третьем стаканчике я поняла, что мне срочно нужна ещё одна шоколадка. А лучше две. Или три. А может, пять. В общем, все, что есть – все

будут мои.

Ох и здорово меня шатало... Спасибо опен офисам – повсюду столы, есть на что опереться. Правда, я сбила на пол несколько папок с документами и стаканчиков с ручками, но ничего. Будем считать, это такой офисный полтергейст. Или домовый.

Хм. Офисвой? Офисовой? Во, точно! Офисовой.

Пьяно хрюкнув, я таки добралась до выхода в коридор. Толкнула дверь... и чуть не пропахала лбом пол, начав заваливаться то ли вниз, то ли вбок.

Но позорно рухнуть срубленным во цвете лет дубом мне не дали.

– Что вы здесь делаете? – прозвучал над ухом грозный голос, а сильные руки схватили меня за плечи. Не за талию – увы. Я всё же слишком мелкая, редкий мужик достанет до моей талии.

– Пью... – ответила я честно, уже постфактум подумав, что честность не всегда бывает к месту.

Особенно в моём случае...

– Что-что? – голос, кажется, подумал, что он ослышался.

Ы-ы-ы! Голос ослышался.

Колобок повесился.

Негр загорает.

Я начала трястись и опять захрюкала.

– Да в чём дело?! – вновь возмутился голос. – Вы чего, пьяны?!

И тут мне резко стало не до смеха.

Ма-м-ма дор-рогая! Это же никакой не голос. В смысле, голос, но не просто голос, а голос генерального директора!

Всё, Светка, допилась ты... только не до зелёных чёртиков, а до Юрьевского Максима Ивановича.

Чёртики... эй... где вы там? Честное слово, я бы вас выбрала...

Ну, или на крайний случай – белочку...

– Й-а-а-а, – проблеяла я невнятно и подняла голову. – Йа-а-а...

Генеральный смотрел с безразличным презрением, и на одно мгновение внутри меня яркой вспышкой полыхнуло раздражение.

На себя. На него. На весь мужской род.

Гады!

– А вы на меня так не смотрите! – заявила я вдруг твёрдо и даже почти не запинаясь. – Ну, пьяна! Подумаешь! С кем не бывает?

Он, кажется, опешил. Думал, я виниться буду? Ага, конечно!

– Вот вы, – я ткнула Юрьевского пальцем в грудь, и он даже чуть вздрогнул, – неужели вам никогда не хочется... как это там... выпить, да! Бывает же... ик!... так плохо! Хоть, блин, умирай...

Я впиалась пальцами в его пиджак, и генеральный вновь безразлично поморщился, пытаясь отцепить мои коготки.

– «Блин, умирай» – это замечательно, – процедил он, всё же отодрав от себя мои руки. Сделал шаг назад, оглядел меня с ног до головы. – Но я не понимаю, почему подобными вещами вы занимаетесь на работе.

– А где ещё? – спросила я, и Юрьевский на мгновение завис. Я воспользовалась этим и продолжила: – И потом, не на работе, а после работы!

– Это неважно, в офисе же...

– Ва-ажно, – протянула я и вновь попыталась ткнуть его пальцем, но он не дался. – Рабочий день окончен! И тут никого нет! Никто не увидит.

– А я, значит, никто? – генеральный чуть дёрнул уголком рта.

– Нет! То есть, да! То есть, нет! Блин... Я запуталась.

– Рад, что у вас хватило смелости это признать, – сказал Юрьевский холодно. – Думаю, что нет смысла продолжать дискуссию. Вы уволены.

Вот это номер!

Я даже протрезвела.

А потом разозлилась.

– Ну и пожалуйста, – заявила я обиженно и даже носом шмыгнула. – Вам же хуже будет.

Развернулась и потопала к своему рабочему месту, забыв про шоколадку. Генеральный шагал следом.

– Вещи будете собирать? – показалось, или в его голосе прозвучало ехидство?

– Не-а, – я гордо вздёрнула нос и из-за этого покачнулась. Пришлось позорно схватиться за стол, чтобы не упасть. – У меня тут и нет никаких особенных вещей. Я хочу коньяк допить.

– Чего-о-о-о?!

– Коньяк допить хочу! – рывкнула я, думая, что Юрьевский не расслышал. – Зря я его купила, что ли? Кстати, хотите, и вам налью? Он хороший, пять звёздочек. Только у меня лишнего пластикового стаканчика нет.

– Стаканчика... – эхом повторил генеральный.

Я в этот момент дошла до рабочего места, налила себе ещё коньяка и одним махом выпила, пытаясь заглушить досаду и рвущую меня изнутри боль.

Стало чуть легче, только голова закружилась и в глазах потемнело.

– Такой наглости я на своём веку не припомню... – пробормотал Юрьевский, и я не удержалась от ехидного вопроса:

– А вам, чего, уже век стукнуло?

Он будто бы не слышал.

– Может, мне охрану позвать?

– Зовите, – милостиво кивнула я. – У меня коньяка и на них хватит. Но лучше не надо. Меньше народу – больше кислорода... То есть, коньяка. О! Всё-таки есть ещё один стаканчик. Вам налить?

Юрьевский вдруг подошёл ближе, отобрал у меня бутыл-

ку. Я думала, с концами. Но нет – налил себе во второй стаканчик немного коньяка и чуть пригубил, внимательно меня разглядывая.

– У вас что-то случилось.

Я даже не поняла, вопрос это или утверждение.

Отсалютовала боссу пластиковой посудиной, ухмыльнулась и ответила:

– Кэп! Это, как говорится, и ежу ясно. А у вас-то мозгов должно быть побольше, чем у ежа.

Генеральный поперхнулся, и я совсем неделикатно хлопнула его ладонью по спине.

– Осторожнее! А то я искусственное дыхание делать не умею.

– Зато вы умеете хамить.

– Поклёп, причём наглый. Я просто не совсем в трезвом уме. И потом, вы меня всё равно уже уволили. Так что могу делать, чего мне вздумается. Хочу халву ем, хочу коньяк пью*.

(*Искажённая цитата из фильма «Девчата»: «Хочу халву ем, хочу пряники».)

– Халву? – Юрьевский оглядел мой образцово-показательный чистый стол. Если не считать бутылки, конечно. – А у вас есть халва?

– Нету. У меня ничего нету. Только коньяк. Ещё налить?

– Ну налейте.

Я налила себе и ему. Выпили, не чокаясь.

– И что у вас случилось?

Я дёрнула губой.

– Командировка у меня на день раньше кончилась. Знаете, как в анекдоте. Пришёл муж, а у жены любовник. В шкафу или на балконе. Вот у меня почти то же самое. Только не на балконе, а на диване... и моя родная сестра.

Я налила и выпила опять. Юрьевский молчал, и я продолжила:

– Мы ведь пять лет с ним вместе. Я даже не думала... А Сашка раньше с нами жила. Три года назад я ей квартиру... Да, квартиру. И почему они туда не поехали, зачем у нас?

– Не планировали. Сорвались, – сказал генеральный каким-то бесцветным голосом.

– Может быть. Не знаю, что теперь делать.

– Конкретно сейчас вы занимаетесь тем, что гробите свою печень.

– Да, – вздохнула я. – Но разве о печени думаешь, когда тебе сердце разбили и душу вынули? Какая уж тут печень. Вы ещё скажите – селезёнка. Или желчный пузырь. Или вообще кишечник.

Юрьевский невнятно хмыкнул.

– У меня и нет никого, кроме сестры и мужа. А теперь получается, что и их тоже нет.

Я налила ещё. Себе и генеральному. Он слушал молча.

– Выбежала из дома и подумала – может, мне тоже... изменить ему? Представляете, всерьёз о таком думала.

– Представляю.

– Ну вот. А потом поняла, что у меня ничего не получится. Поэтому купила коньяк... и сюда приехала. Некуда больше. – Я сделала ещё глоток, поморщилась. – Нет, не выйдет из меня алконавта. Треть бутылки даже не уговорила, слабачка. – Больше и не надо. А то вы потом ничего не вспомните. – Так может, и хорошо? – Я повернулась к боссу, чуть не расплескав на него оставшийся коньяк из стаканчика. – Выпил и забыл. Как лекарство.

– Увы, – он вдруг улыбнулся, и я поймала себя на не очень трезвой мысли, что у нашего генерального очень милая улыбка. – От лекарств не бывает похмелья.

И вообще Юрьевский красивый мужик. Правда, ему уже за сорок, но зато какой статный... И волосы эти тёмные, до плеч, и глаза – серые, словно сталь... И седая прядь... Ах, романтично.

– Вы чего на меня так смотрите? – спросил генеральный с подозрением, и я засмеялась.

Мне даже неловко не было, когда я ответила:

– Просто поняла, что с вами, пожалуй, изменила бы мужу. Вы такой... как из книжки. Романтичный злодей. Плохой мальчик. Девочки таких всегда любят.

– Боюсь, изменять со мной – не очень удачная идея, – сказал Юрьевский бесстрастно.

– Идея как идея. – Я пожала плечами. – Не хуже и не лучше любой другой идеи, которая может прийти в пьяную го-

лову. Тут дело в вас.

– Во мне? – он недоуменно нахмурился.

– В вас, ага. Хрен вы на меня польститесь.

– Это ещё почему?

Я задумалась.

– Ну... я пьяная.

– Я тоже сейчас не особо трезвый.

– Ну... я ваш сотрудник.

– Я вас только что уволил.

– Ну... я мелкая.

Он на секунду задумался.

– Приподниму. Или на стол посажу. Поправимо.

– Ну... я вряд ли покажусь вам симпатичной настолько, чтобы...

– Вы вполне симпатичная, – сказал Юрьевский, ещё раз оглядев меня с головы до ног. – Не вижу никакого криминала. Руки, ноги, голова. Думаю, что хвоста у вас нет и между ног всё как положено.

Тут уже задумалась я.

– Так вы... это... ну...

– Чего?

Мне показалось, или он издевается?

– Ну, вы... это... предлагаете...

– Да-да?

– Ну... того самого... с вами?

– Так вы же сами хотели, – пожал плечами генеральный. –

И мужу измените, и не противно будет. Но я ведь говорил – это плохая идея. Только вот не потому, что вы перечислили.

– Да? А почему? Вы женаты?

– Нет.

– Вы гей?

Юрьевский даже вздрогнул.

– Упаси боже. Нет.

– Хм. – Я задумалась. – У вас есть какие-то особенные пристрастия? Ремни, плётки, фалло... ими... фал...

– Так, стоп. Дело не в этом. Я просто не могу гарантировать, что вы получите удовольствие от секса со мной. Поэтому... лучше вам поискать кого-то другого.

Господи, Светка... Девять вечера, в офисе темно хоть глаз выколи, а ты стоишь возле своего письменного стола и всерьёз обсуждаешь с генеральным директором вопрос о совместном интиме. Сегодня магнитные бури, не иначе...

– И где искать-то? Тут больше нет никого. Поэтому... я согласна.

– Согласны? – повторил Юрьевский будто бы по слогам.

– Ну... да. Если вы, конечно, не шутили. Можете меня... э-э-э... поиметь. Трахнуть. Или как вы там это называете.

Он слегка нахмурился.

– Слушайте, я же объяснил... вам вряд ли будет приятно.

– Да почему? Вы насилуете женщин?

– Нет.

– Тогда почему?

Генеральный вздохнул, закатил глаза.

– Ладно, проще показать. Пойдёмте.

И зашагал к своему кабинету.

– Коньяк брать? – крикнула я ему вслед.

Юрьевский остановился, немного подумал.

– Берите. И стаканчики тоже.

– Это само собой.

В кабинете было темно, ещё темнее, чем в остальном офисе. Генеральный, кажется, собирался зажечь свет, но я рявкнула:

– Вы что, с ума сошли? Шестнадцатый этаж и напротив куча домов. Нас же увидят!

– Стесняетесь? – Он улыбнулся.

– Нет. Но в таких случаях – да.

Юрьевский кивнул, подошёл ко мне вплотную, отобрал коньяк и стаканчики, поставил их на свой стол.

Где-то глубоко внутри меня – наверное, в печени или селезёнке – билась трезвая Света. Она истошно вопила, что нужно срочно уносить ноги.

Но пьяным, как известно, все океаны по колено...

– Раздевайтесь.

Я глупо захлопала глазами.

– Э-э-э... Не поняла...

– Что тут непонятного? Раздевайтесь полностью. Я люблю брать голых женщин.

Я на миг опешила от подобного требования.

– Что, уже передумали? – в его голосе слышалось ехидство.

– Не дождётесь, – покачала головой я... и начала раздеваться.

Может быть, это случилось, потому что я была пьяная. Не знаю. Но когда я постепенно снимала с себя каждый элемент одежды, а Юрьевский просто стоял рядом и смотрел... в общем, я никогда в жизни так не возбуждалась.

Хотя он ничего не говорил. Не трогал. Просто смотрел.

– Неплохо, – кивнул, когда я сняла с себя последнее, что оставалось – трусы. – Повернитесь.

Повернулась.

Не знала, что взгляд можно чувствовать, словно прикосновение...

– Симпатичная попка. Идите ближе к столу.

Я сделала несколько шагов вперёд, пока столешница не упёрлась мне в живот.

– Нагнитесь.

Нагнулась. Юрьевский подошёл ближе и прижал меня ладонью к столу так, что я почти размазалась по поверхности. Она была прохладная – я особенно чувствовала это грудью и сосками – и я возбуждалась ещё больше...

Как он это делает?! Или это не он, а коньяк?

– Раздвиньте ноги, – голос генерального слегка охрип. – Сильнее.

Я слышала звук разрываемой упаковки от презерватива, потом расстегиваемой молнии брюк. Секунда, другая... и тёплая, даже горячая ладонь коснулась моего клитора. Провела по половым губам, потрогала вход в меня...

– Ничего себе... Какая мокрая... – прошептал Юрьев-

ский, а секундой позже я вскрикнула от резкого и даже почти мучительного наслаждения, когда он заполнил меня полностью.

Вновь вжал ладонью в стол и задвигался. Быстро, размашисто и сильно.

Теперь я поняла, что он имел в виду. Это был не секс и даже не трах. Он просто драл меня, как шлюху. Пользовал, как вещь.

Но почему тогда с каждым его движением я чувствовала все большее наслаждение? Кожа моя будто горела, и прохладная поверхность стола, в которую Юрьевский так грубо меня вжимал, оказалась настоящим удовольствием для разгорячённого желанием тела.

Он ничего не говорил больше, просто толкался в меня очень быстро и глубоко, хрипло постанывая и иногда сильно сжимая то одну, то другую ягодицу. Потом вдруг вышел, перевернул, как куклу, задрал мне ноги повыше, вновь прижал к столу – и вошёл снова – ещё резче и глубже, чем раньше.

– А-а-а! – завопила я от яркого, ослепительного оргазма, дёргая ногами и руками, как пришпиленная к столу бабочка.
– О-о-ох...

Но Юрьевский, скорее всего, не обратил бы внимания, даже если бы я стала вдруг декламировать ему стихи Пушкина. Я видела это по его глазам и сосредоточенному лицу – он был весь в себе, в своих ощущениях. Мой оргазм был только моим оргазмом.

Перед тем, как кончить, он настолько ускорился, что я не выдержала темпа и, заорав, впилась генеральному в плечо всеми зубами. Юрьевский хрипло застонал и, застыв во мне на максимальной глубине, затрясся от удовольствия.

Вот так я и изменила мужу, да. Пьяная, на столе, с генеральным директором, который полчаса назад меня уволил.

Просто мечта, правда?

А всё-таки жаль, что я не уговорила всю бутылку... Значит, буду помнить и этот секс, и выражение лица Юрьевского, когда он выходил из меня, поправлял штаны и благодарил за приятно проведённое время, как будто речь шла не о сексе, а о светском рауте. Или о походе за грибами.

Станный он, конечно.

Впрочем, Светка... кто бы говорил, а?..

– Вас подвезти? – спросил генеральный, застегивая штаны, пока я пыталась натянуть на себя одну вещь за другой. Удобно ему – молнию расстегнул и погнал, а мне, видишь ли, полностью раздевайся. А теперь полностью одевайся. Честно говоря, это не очень удобно, когда ты настолько нетрезв.

– Да я как-то не стремлюсь домой. Я бы лучше тут переночевала. А завтра с утра уж...

Юрьевский с интересом проводил взглядом мои руки, которые я завела за спину, чтобы застегнуть лифчик. Внизу живота моментально что-то сжалось.

Удивительно, я ведь никогда не считала себя испорченной девочкой. А тут... теку от одного его взгляда.

Бред какой-то. Это точно коньяк мне особенный попался. С виагрой, видимо.

– Знаете, вы можете, конечно, меня не слушать. Но... возвращайтесь лучше сейчас. Тянуть с подобными вещами – только себя мучить. Все равно ведь вы сегодня спать не будете.

– Думаете, если я поеду домой, то буду спать? – спросила иронично, пытаясь найти у свитера ворот.

– Разумеется, не будете. Но дома всё же лучше, чем где-то ещё. Поверьте моему опыту.

Я не поняла, про какой опыт идёт речь, и только хотела

спросить, как Юрьевский продолжил:

– Ну, или я могу предложить вам поехать ко мне...

Я вытаращила глаза.

– Только не ждите особенного обращения. И вообще каких-либо отношений.

– Я похожа на дуру? – хмыкнула я, поднимая с пола джинсы. Чуть покачнулась, но удержалась на ногах. – Я уже поняла, что вам от женщины нужна только, я извиняюсь, её дырка. Но! – Я застегнула джинсы, выпрямилась. – В этом и есть разница между нами. Мне от вас вообще ничего не нужно, в том числе и ваш член. Я могу обойтись и диваном в переговорной.

Генеральный ненадолго замолчал, оглядел меня всю с головы до ног. Даже жарко стало...

– Вы правы. Я действительно хочу трахнуть вас ещё раз.

Нет, я просто обалдеваю. Он так откровенно и грубо признаётся в подобных вещах...

– Но если вы не хотите, я оставлю вас в офисе или отвезу домой. Выбирайте сами.

Я вздохнула.

Юрьевский, конечно, мужик классный. Но я более чем уверена, что когда пары коньяка рассеются, мне будет неловко и стыдно. Одно дело – изменить мужу по пьяни, а совсем другое – по трезвости.

– Нет, простите. Я лучше домой. Действительно не стоит откладывать этот разговор с мужем... Быстрее отмучаюсь.

Всё равно уже ничего не изменить.

Генеральный, кажется, нисколько не расстроился.

– Хорошо. Тогда пойдёмте.

И направился к выходу из своего кабинета.

.

Уже в машине, когда я немного протрезвела под кондиционером, мне пришла в голову одна прекрасная мысль. А знает ли Юрьевский, как меня вообще зовут?

Хм. Вряд ли. С чего ему это знать? Не может генеральный всех своих сотрудников помнить по именам.

Впрочем, для него это, скорее всего, в порядке вещей. Что называется – секс не повод для знакомства.

Я задумчиво оглядела салон машины. Что ж, по крайней мере потрахаться с ним стоило только ради того, чтобы сюда попасть. Никогда подобной роскоши не видела. Сразу видно – свою машину (в отличие от женщин) Юрьевский любит, холит и лелеет. Всё кожаное, чистенькое, нигде не пылинки.

Прям как на моём рабочем столе... уже бывшем, впрочем.

– Прошу прощения за глупый вопрос, – любопытство всё же заело. – Вы... знаете, как меня зовут?

Генеральный покосился на меня с откровенным удивлением. Он, конечно, сильно рисковал, когда садился за руль после коньяка... правда, я подозревала, что ему эти два выпитых глотка – как слону дробинка.

– А вы уже и имя своё забыли? – спросил с ехидством. –

Настолько хорошо я вас обработал? Или это коньяк виноват?

Пошляк.

– Нет. Мне просто интересно, знаете ли вы, как зовут женщину, которую вы только что... обрабатывали.

– А, – кивнул Юрьевский. – В этом смысле. Нет, не знаю.

Я ухмыльнулась.

– Понятно.

Он немного помолчал.

– Не хотите представиться?

– Не-а. Зачем?

– Секс не повод для знакомства? – повторил генеральный мою собственную мысль, и я кивнула.

Настаивать он не стал, поэтому дальше ехали молча.

Мы добрались к моему дому примерно через полчаса. Юрьевский высадил меня возле подъезда, сказал: «Удачи!» – и отчалил.

Почему-то всего на одно мгновение мне стало обидно. Хотя я не имела права на него обижаться.

Но... попробуйте объяснить это моему самолюбию.

Странно, но страх перед предстоящим разговором с Андреем – а может, и с Сашкой – куда-то отступил. Словно я оставила его у Юрьевского в машине.

Я поднялась на наш этаж, открыла дверь своим ключом и вошла в коридор.

Сумки, которые я принесла несколько часов назад, так и валялись у порога. Эх, Андрей... Да и Сашка тоже... Вы всегда и во всём надеялись только на меня. Света не сделала – значит, и вам не надо.

Я щёлкнула выключателем, начала раздеваться. В комнате что-то грохнулось, а потом затопало по полу в коридор.

Это, конечно, был Андрей. Уже в одних трусах, с залепленным пластырем носом. Даже сквозь пластырь мне было видно, насколько он у него распух.

Молодец я. Хотя всё же надо было бить в пах.

– Светка... – прошептал муж и сделал шаг навстречу.

– Стой, где стоишь, – сказала я холодно, продолжая снимать верхнюю одежду.

Андрей застыл на месте, но молчать, по-видимому, не собирался.

– Ты где была? Мы... я так волновался...

Я хмыкнула. Да уж, волновались они. Если о ком-то они с сестрой и волновались, то точно не обо мне.

– На работу ездила. – Я сняла последнюю деталь – шарф – и повернулась к муженьку. – Я буду краткой. Видеть тебя больше не желаю. Собирай вещи и выметайся. У Сашки своя квартира, она тебя приютит.

Андрей помрачнел.

– Свет... давай поговорим, а?

– Говори, – я пожала плечами.

– Пошли тогда... на кухню. Я чаю сделаю...

Честно говоря, я бы хотела не чаю, а банально пожрать. После выпитого практически на голодный желудок коньяка и бешеного секса с генеральным директором очень хотелось кушать. Просто зверски.

Но пусть будет чай.

Я села за стол, Андрей взял две кружки, положил туда по пакетiku, залил кипятком.

На кухне сладко пахло Сашкиными духами. Раньше я не обратила бы на это внимания, ведь она бывала у нас довольно часто. Раньше... но не теперь.

– Саша ушла уже, – сказал Андрей тихо. – Она решила, что ты придёшь только утром...

Он замолчал, словно ожидая моего ответа. Но я не собиралась ничего объяснять.

– Я давно хотел тебе рассказать. Всё год назад началось.

Год! Целый год они мне голову дурили.

– Ты тогда тоже уехала в командировку. А я был после корпоратива, сильно выпил... Саша пришла в гости, и я даже

не заметил, как... Мы решили, что это случайность и что будем молчать. Два месяца держались, а потом опять... Честно, Свет, я хотел это прекратить. Но Саша как специально меня соблазняла. А сегодня... Свет, она сказала, что беременна. От меня.

М-да. Я даже не знаю, с чем это можно сравнить.

Они меня не просто обидели и ударили. Они меня убили...

– Свет...

– Замолчи, я тебя прошу, – сказала я тихо и как-то бесцветно. – Пожалуйста. Просто уходи. Развод я тебе дам, вещи тоже, и машину забирай. Мне она всё равно не нужна. Только уходи и никогда не возвращайся.

Я встала с табуретки, вылила чай в раковину. Андрей, так и не сделавший глоток из своей чашки, смотрел на меня раненым диким зверем.

Он опять открыл рот, и я поспешила сказать:

– Уходи. Если в тебе есть хоть капля уважения ко мне – уходи.

Он кивнул, вздохнул, поднялся и пошёл в комнату.

Собирался Андрей минут двадцать. А потом я услышала, как негромко хлопнула входная дверь.

Только тогда я уронила голову на руки и наконец заплакала.

Наши с Сашей родители погибли, когда мне было двадцать, а ей пятнадцать. И я потратила дикое количество сил и времени, оформляя на сестру опеку.

Устроилась на хорошую работу – вот в эту самую компанию, где директором был Максим Иванович Юрьевский. Это была преуспевающая рекламная компания, и я быстро выросла – и в должности, и в зарплате. Стала откладывать Сашке на квартиру, продала старую дачу, на содержание которой у нас всё равно не было денег и времени.

Потом встретила Андрея. Он был другом моего однокурсника, и мы вместе встречали Новый год.

Я его действительно любила. Безоговорочно и сильно. Я всегда так люблю.

Познакомила их с Сашкой... И увидела, что она в него втюрилась. Очень нелепо и по-детски. Я тогда сказала ей, что это пройдёт.

Но видимо, не прошло. И она все эти годы хранила в себе это чувство. А в нужный момент достала со старой пыльной полки – и ринулась в бой, решив бороться за мужчину, которого любила.

Если бы дело было только в этом... Но, к сожалению, всё гораздо сложнее.

Мы с Андреем мечтали о ребёнке последние три года. И

все эти три года я лечилась от бесплодия. Пока безуспешно.

Через две недели я хотела в очередной раз сходить к врачу, но теперь уже не нужно. У них с Сашей будет своя семья, свой ребёнок.

Можно ли это простить? Я не знаю. Я не святая.

Если Саша действительно его любила и любит... впрочем, я знаю сестру – она любит, не обманывает.

Но зачем было обманывать меня?

Я вытерла слёзы и подошла к холодильнику.

Так, коньяка нет, водки тоже. Вино какое-то, но открыто так давно, что пить я его не рискну.

Значит, не судьба. Будем жрать.

Что тут у нас? Ага, пюре. Курочка. Идите ко мне, мои хорошие, вы одни меня любите. И я вас тоже очень люблю.

И съем...

В понедельник утром Макс проснулся в отвратительном настроении. Таким оно оставалось все выходные, начиная с вечера пятницы. А всё из-за той девчонки, которую он трахнул.

Своими словами про мужа и сестру она всколыхнула старые и, казалось, давно забытые воспоминания. Поэтому все выходные Юрьевский изо всех сил удерживал себя от того, чтобы не надраться. Но в понедельник железно нужно было

на работу, бухать некогда, и Макс заменял алкоголь сигаретами, выкуривая по полторы пачки в день.

Так и помереть недолго, надо бы это прекратить, но как?

Вот потому, приехав в офис, Юрьевский и рычал на всех. Сбрасывал негатив. И продолжал рычать, когда в его кабинет ворвался директор по креативу и по совместительству гений рекламы и хороший друг Макса.

– Ты чего курил в пятницу, а?! – завопил Сергей с порога настолько громко, что генеральный даже ручку уронил.

– Ты знаешь, что я курю, – ответил Юрьевский спокойно.
– Данхилл.

– Значит, перешёл на что-то покрепче! – продолжал орать Сергей. – Ты нах** уволил моего лучшего рекламщика???

Макс нахмурился.

– Я никого не увольнял.

– Да неужели?! Крылова с утра на работу не явилась, ей коллеги позвонили – а она дома дрыхнет. Заявила, что никуда не поедет, потому что ты её уволил в пятницу! Ты чего, совсем охренел?!

– Крылова?

– Да. Света Крылова. Она у нас уже семь лет работает. Лучшая в моём отделе. Скажи мне, что она сделала, иначе я тебя сейчас задушу.

Света Крылова. Значит, вот как зовут эту девицу. Маленькая, худенькая, с тёмными волосами и обалденной задницей.

Больше он ничего не запомнил.

– А она тебе так нужна?

Рассказывать про то, что Крылова пила на рабочем месте, Юрьевскому совсем не хотелось.

– Безумно! Только что говорил с америкосами, помнишь, холдинг этот косметический? Стоило только заикнуться, что проект, возможно, перейдёт к другому менеджеру, так они мне такой скандал закатили! Пока я отбрехался, но если ты правда её уволил...

Макс чуть поморщился.

С одной стороны, если она хороший специалист, то на первый раз можно и простить. Если бы не секс, Юрьевский бы даже не сомневался в этом. Однако теперь, после того, как он её у себя в кабинете поимел... Пьяную...

Сама наверняка возвращаться не захочет.

И правильно сделает. Ему тоже не улыбалось с ней рядом находиться. Ещё возомнит, что имеет право на особые привилегии или шантажировать начнёт.

– Вообще да, я Крылову уволил. За что – не скажу, извини. Если она тебе так нужна, позвони, скажи, что генеральный передумал.

Сергей хмыкнул, сел за стол и сложил руки перед собой, как школьник.

– При всём моём уважении, Макс... Ты увольнял – ты и звони. Во-первых, она мне может и не поверить, подумает, что я очную ставку собираюсь организовать. А во-вторых – если ты, как ты говоришь, передумал, то тебе нужно извини-

ниться.

Юрьевский поднял брови.

– Да-да, и не надо смотреть на меня, как большой дог на маленькую шавку. Напортачил – извинись.

– Я её за дело уволил.

– Да за какое дело?! Наверняка попалась под горячую руку. Признавайся, что она натворила? Уронила тебе на ногу цветочный горшок? Или, может, забыла почтительно поздороваться?

«Нет, всего лишь бухала на работе».

– Ладно, я позвоню.

– Ну, спасибо, – Сергей усмехнулся. – Только смотри – чтобы она завтра на работу пришла. А то я всем её недовольным клиентам дам твой мобильный. Сам будешь с ними объясняться, раз такой умный.

Был бы на месте Сергея кто другой – Макс бы его урыл. Но этому можно.

– Договорились.

Чуть позже выяснилось, что позвонить Крыловой – задача не из простых. С утра её, видимо, достали, и она вырубила телефон.

«Абонент временно недоступен, попробуйте позвонить позднее!» – весь день говорила Юрьевскому женщина с металлическим голосом.

Но возможно, коллеги были и ни при чём. И Крылова просто не хочет разговаривать с мужем или сестрой.

И Макс её понимал.

В пять вечера к нему в кабинет вновь заглянул Сергей.

– Ну чего, дозвонился?

– Нет.

– Так. И чего делать?

– Съезжу к ней, – признался Юрьевский с неохотой. – Адрес взял в отделе кадров. Может, застану дома.

– Ну-ну, – недовольно буркнул Сергей и вышел из кабинета.

Ехать к этой девице, конечно, не хотелось. Но расстраивать друга не хотелось тоже.

– Ладно тебе, Макс, – хмыкнул Юрьевский, выходя из офиса и на ходу вытаскивая из кармана пачку сигарет. – Признаться уж, что дело не только в этом. Ты хочешь проверить, не залезла ли Крылова в петлю. Учитывая обстоятельства,

вероятность весьма велика...

Макс сел в машину и завёлся. Так, какой там у неё адрес...

Выходные я провела восхитительно. Ела, пила и спала. Почти овощ, с одной только разницей – овощи не плачут.

В ночь с воскресенья на понедельник вместо того, чтобы спать, я врубила подряд сразу три мелодрамы. «Сладкий ноябрь» (отвратительно сладкий фильм), «Спеши любить» (так мило и трогательно, что я чуть не утонула в собственных соплях) и «P.S. Я люблю тебя» (слишком пафосно). Под последний фильм я и задремала ближе к шести утра.

В одиннадцать меня разбудил звонок из офиса. Невнятно буркнув что-то про увольнение, я вырубил телефон и продолжила спать.

Снился мне Юрьевский. Он почему-то сидел в кресле напротив моей кровати, курил и качал головой.

Кстати, о сигаретах. Ещё в субботу я поняла – всё-таки это не моё. Так что полпачки «Конгресса» – или как их там – отправились в мусорку.

Старый добрый коньяк лучше вштыривает. А про водку я вообще молчу. Если ещё и с солёненьким огурчиком...

В общем, да – кажется, я начинаю превращаться в заправскую алкоголичку. Жру, пью и плачу под мелодрамы.

Проснулась я около шести вечера. Ужас, не день, а ка-

кое-то первое января. Просыпаешься – а уже темнеет. И голова раскалывается...

Встала с постели, оглядела квартиру и ужаснулась. Ну ты, Светка, даёшь. Никогда даже не подозревала в тебе такой талант хрюнделя. Повсюду чашки, стаканы, баночки из-под йогуртов, крошки из-под бутербродов. Собственно недоеденные бутерброды. Открытая банка шпрот, надкушенный солёный огурец. Конфетные фантики повсюду, даже на полу.

И венец сего творения – бутылка водки рядом с «Алмагелем». Убойное сочетание.

Неужели это всё я сделала?!

Ты, Светка, ты. Даже не надейся, ни один домовой на подобное не способен.

Протопав к холодильнику, я заглянула внутрь. Он оказался почти девственно пуст. На двери сиротливо белели несколько яиц, а с нижней полки укоризненно смотрела на меня банка «Нутеллы». Почему-то без крышки.

Есть хотелось сильно, поэтому я доскребла остатки шоколадно-ореховой пасты, выпила пару глотков минералки, найденной в ящике для овощей, и пошла в ванную. Любоваться на себя в зеркало.

Зеркало отразило... нечто. С всклокоченными волосами, синяками под глазами и сухими губами. Сразу вспомнился мультик «Труп невесты». Не знаю как насчёт невест, но труп тут точно имеется...

Расчесав свои космы, я скинула уже довольно вонючую

ночнушку и полезла мыться. Плескалась минут двадцать, тёрла себя мочалкой во всех местах, пытаюсь смыть непонятную гадливость, которую испытывала к собственному телу.

Но даже когда я вылезла из ванны – ароматная и чистенькая – чувство гадливости всё равно осталось.

Я надела новую ночнушку и короткий халат. Обмотала волосы свежим полотенцем, а всё старое – и вещи, и бельё, и полотенца, которые собрала по всей квартире, бросила в стирку.

Потом ещё раз посмотрелась в зеркало. Выглядела я, конечно, бледновато, но в целом уже лучше. Может, и не получится из меня алкоголички...

И только я вышла из ванной и начала прибираться в загаженной комнате, как в дверь позвонили.

Открывать я не собиралась, но звонивший был настойчив. Не уходил, наверное, минут пятнадцать. Я даже испугалась, что он мне звонок сломает – неведомый гость жал на него непрерывно.

Может, Андрей?

Я, как маленькая девочка, подкралась к двери и посмотрела в глазок. И тут же в шоке схватила за дверной косяк.

Юрьевский?! Что он тут делает?!

Запустить мыслительный процесс никак не получалось, и я решила пискнуть:

– Вам кого?

За дверью задумались, а потом усталым голосом произ-

несли:

– Света, откройте.

Ого! Это чего, он моё имя всё-таки знает?

– Зачем?

Опять недолгое молчание.

– Надо поговорить.

Я хотела брякнуть: «Кому надо?», но решила не хамить.

– У меня не убрано.

– Я переживу, – в голосе уже слышалось раздражение. –

Света, откройте мне наконец.

Открывать не хотелось. Вот совсем. Но кажется, придётся.

Сначала я сняла тюрбан с головы, подумав, что встречать генерального директора с подобной конструкцией всё-таки не совсем прилично. Распушила влажные волосы, погляделась в зеркало.

Ужас.

Вздохнула, щёлкнула задвижкой и сделала шаг назад, впуская в квартиру бывшего начальника. Юрьевский застыл на пороге, оглядел меня всю, от влажных распущенных волос до голых ног – и опять мне стало жарко от его взгляда.

Наверное, коньяк ещё не совсем выветрился.

– Добрый вечер, – сказала начальство, закончив осмотр.

– Тапочки дадите или мне в ботинках в комнату проходить?

– А может, не надо? – спросила я почти жалобно. – Говорю

же, там не убрано.

– Тогда на кухню?

Зашибись. Там дофига грязной посуды и воняет невынесенным мусором. Просто рай для любого генерального директора.

– Лучше не надо. Давайте в комнату...

Я вытащила гостевые тапочки, бросила их перед боссом. Он снял пальто и шарф, повесил всё на вешалку, переобулся, выпрямился и кивнул.

– Я готов. Пойдёмте.

Угу, спасибо за разрешение...

В комнате мне стало дико стыдно. И за неубранную постель, и за хаос на столе, который я толком не успела убрать.

Юрьевский оглядел это всё каким-то до странности понимающим взглядом, а потом спросил:

– Куда можно сесть?

– Вон стул у окна. Туда можно.

Это был единственный стул без следов моего на нём пребывания. На остальных что-то валялось. На одном – о, ужас! – лифчик с трусами, а на другом – джинсы и свитер, в которых я была в пятницу.

– Вы тоже садитесь, – разрешил мне босс, и я, вздохнув, опустилась на разобранную постель. Далековато от окна, ну и хорошо. Я так Юрьевского хуже вижу. А он – меня.

– Вы когда моё имя успели узнать? – брякнула я, видя, что начинать разговор генеральный не спешит.

– Сегодня утром. Сергей Мишин приходил, чуть не убил меня за ваше увольнение.

Я улыбнулась. Мы в нашем отделе называли Сергея папой, а папа, как известно, может.

– Я потом вам звонил, но вы отключили телефон. И я решил к вам съездить. Во-первых, прошу прощения за это увольнение. Погорячился. А во-вторых, предлагаю вам выйти на работу завтра.

Я неловко кашлянула.

Нет, конечно, мне вовсе не хотелось терять работу. Она была родная и самая любимая. Но ёлки зелёные, лимоны жёлтые...

– Вы уверены? – спросила я тихо, и Юрьевский кивнул.

– Уверен.

– И вас... ничего не смущает?

– Нет.

Я вновь кашлянула. И кажется, начала краснеть.

– Я не думаю, что это хорошая идея.

Босс так страдальчески вздохнул, что мне даже стыдно стало. Словно я ему не разумные вещи говорила, а капризничала, желая, чтобы он купил мне новую шубу.

– Света, не нужно придавать тому, что случилось в пятницу, такое значение. Это был просто секс.

Ага, ну конечно. Просто секс. С генеральным директором. На столе в его кабинете.

Что может быть проще этого, да?

– Поверьте, я уже об этом забыл.

А вот это было обидно.

– И вам советую. Прекращайте тут... пить и выходите на работу. Работа – лучший лекарь.

Дура я, наверное. Но вместо того, чтобы сказать нечто глубокомысленное, я вдруг выпалила:

– Неужели это было настолько плохо?

Юрьевский даже не сразу понял.

– Что?

– Секс. Насколько плох был? Вы поэтому о нём уже забыли?

У босса почему-то дёрнулась щека.

– Вам честно?

– Конечно, – я кивнула и сглотнула от волнения.

– Потрясающий он был. Я ведь вам предлагал повторить. А вы отказались. А забыл я, потому что надо жить дальше. И вам надо тоже кое о чём забыть.

– О сексе?

– Да. Только не о нашем с вами. Хотя и о нём тоже помнить не стоит. Но я говорю в первую очередь о том, что вы видели здесь в пятницу.

Юрьевский, конечно, был прав. Но о таком хрен забудешь за два дня.

Я сказала это вслух, и он едва заметно усмехнулся.

– О таком и за десять лет хрен забудешь. Но работа вам точно поможет, Света. Так что прекращайте тут страдать. Завтра чтобы были в офисе. Поняли меня?

Ему бы армией командовать...

– Поняла.

– Отлично. Тогда я поехал. – Юрьевский хлопнул себя по коленям и поднялся. – До завтра.

– До завтра, – согласилась я и проводила его до двери. Проследила за тем, как он оделся и обулся, попрощалась.

А когда генеральный ушёл, я всерьёз задумалась над собственными чувствами.

Никогда в жизни такого не было, чтобы я видела мужика – и хотела задрать перед ним юбку. Может, на меня так действует то, что случилось? Андрей, Саша... я не ожидала предательства, и теперь мой организм ищет возможность... э-э-э... оттянуться?

Надо сходить к психологу. Или к психотерапевту. Вдруг это лечится?

Весь вечер и часть ночи я убиралась в квартире. Потом зверски захотела есть и сходила в магазин. Поела, ещё раз помылась и легла спать примерно полтретьего ночи.

Вставать утром было тяжело, но, как ни странно, я даже почувствовала облегчение от того, что можно чем-то себя занять, кроме самобичеваний. А потом вспомнила, что у меня на сегодня назначена встреча с американцами, и идти на работу резко расхотелось.

Честное слово, появляться перед одними из самых важных клиентов фирмы в виде жеваного башмака – сомнительное удовольствие. А выглядела я, несмотря на все усилия, действительно плохо.

Значит, будем подключать тяжёлую артиллерию. Платье красное, в обтяжку, туфли на каблуках. Шампунь для придания объёма космам. Тональный крем, немного макияжа... Вот так. Уже вполне себе женщина-вамп.

К собственной внешности я отношусь весьма критично. Рост у меня небольшой, телосложение субтильное, хотя грудь и попа всё же есть, не прям доска. Волосы тёмные и самые обычные, чуть выющиеся. И совершенно не напоминающая мордашка. Черты лица мелкие, невыразительные, глаза какого-то непонятного оттенка – каре-зелёные, что ли. Только нос выделяется – кончик вздёрнутый, словно я вечно

чем-то горжусь.

В общем, я понимала Андрея. Сашка была и выше, и фигуристее, и личико – загляденье. Волосы с медовым оттенком, а глаза карие, глубокие, большие. Я на её фоне совсем моль бледная.

Но ничего – красное платье, туфли и косметика скрыли почти все огрехи моей внешности. Действительно неплохо получилось. Эх, даже жаль, что я ненавижу платья и вечно разгуливаю в джинсах и свитерах.

Может, Андрею этого и не хватало? Женственности, мягкости...

Отражение в зеркале резко помрачнело, и я дала себе слово больше не думать о муже.

Лучше, Светка, думай о том, что ты сегодня америкосам будешь рассказывать. Это куда важнее. Если они останутся довольны, тебе выпишут премию. Тогда возмёшь отпуск и рванешь в какие-нибудь Европы. Или на юга, пузо греть.

Отражение в зеркале чуть повеселело, и я довольно кивнула. Правильно, детка!

Думай о море.

.

Юрьевский был прав – на работе мне стало легче. Я забыла и об Андрее, и о Сашке, доделывая проект для америкосов. А еще – отбиваясь от коллег, которые пытались вызнать, за что меня уволил генеральный.

Я всё-таки дура безмозглая. Оправданием мне может служить только тот факт, что я тогда спала. И все же – на кой чёрт я брякнула, что это он меня уволил? Сказала бы – сама уволилась, и дело с концами. Так нет же! Теперь все собаки знают, что я была уволена Юрьевским, и очень хотят знать, почему. И смотрят на меня с жадным любопытством.

Что тут можно ответить?..

И я решила ответить... почти правду.

– С мужем я поссорилась. Так поссорилась, что разводится теперь будем. В гневе приехала сюда вечером, столкнулась с генеральным и нахамила ему. Сильно. Вот он разозлился и уволил.

Да уж, почти правда. Примерно так... одна четвертая часть. Нахамила я ему конкретно, конечно, но ещё в наличии измена мужа, коньяк и трах на столе. Но про это коллегам знать не обязательно.

В двенадцать ко мне подошёл Сергей Мишин, напомнил о том, что в три часа встреча с американцами в переговорной. Быстро просмотрел мой проект, кивнул и удалился, но перед этим хлопнул по плечу и заявил:

– Я рад, что ты опять с нами.

Я тоже была рада. И радовалась до тех пор, пока мы с Сергеем не пошли на встречу с америкосами. И вместе с нами туда за каким-то хреном намылился Юрьевский. Мишин его присутствию почему-то не удивился, а вот я – очень даже.

Генеральный крайне редко ходил на подобные меропр-

ятия. Это ведь обычная презентация будущей рекламной компании. На данный момент всё находится на уровне слабых намёток, которые предстоит обсуждать нам с Мишиным. Мне – творческую составляющую, ему – финансовую.

Конечно, если бы не случившееся в пятницу, мне было бы плевать на присутствие генерального. Но теперь, стоило Юрьевскому задержать на мне взгляд, становилось жарко и в горле пересыхало. А он его на мне не просто задерживал – он меня им сверлил.

Может, дело в платье?.. Но оно вполне приличное. Грудь не вываливается, спина закрытая. И юбка почти до колена...

Меня от этих взглядов прям колбасило. В голове всякие неприличные картинки вспыхивали, и я почти чувствовала на своей спине его большую горячую ладонь.

Светка, ты нимфоманка.

Американцы в количестве двух штук на меня тоже пялились, но они на всех пялятся. И улыбаются ещё, как безумные. Выполняют заветы Дейла Карнеги.

Одному только Сергею любые платья нипочём. Мне кажется, даже если я разденусь, он и глазом не моргнёт. Он в этом плане невозмутимый до ужаса. Перед ним, помню, одна наша бухгалтерша сиськами трясла, хотела соблазнить и женить на себе, а ему хоть бы хны. Буркнул только: «Не стойте между мной и солнцем!» – и передвинул стул, чтобы её тень на важные бумаги не падала.

Мы тогда с девчонками чуть со смеха не сдохли...

Но я отвлеклась. А мужчины между тем расселись и приготовились внимать.

Я загрузила презентацию на ноутбук и с помощью проектора сразу вывела её на белую доску. Кашлянула и начала рассказывать.

Америкосы представляли компанию под названием «Эдельвейс» – крупного производителя косметики, – и мечтали выйти на российский рынок. Всё было очень серьёзно – несколько фирменных магазинов, приличный бюджет на рекламу, в том числе и на телевизионную. Действительно уникальный заказ для нашей фирмы.

Как оказалось, они обратились сюда из-за меня, и это было лестно. Их директор дружил с владельцем фирмы-производителя шоколадных конфет, которым я разрабатывала рекламную компанию год назад. Масштаб там был не такой, но владелец впечатлился, как он выразился, «креативности».

Да уж, креативности у меня всегда было хоть отбавляй.

– Итак, в наличии у нас прекрасная девушка, – вещала я, обворожительно улыбаясь и делая вид, что именно я и есть та самая прекрасная девушка. – Картинка черно-белая. – Я щёлкнула слайдом. – Девушка идёт, достаёт вашу замечательную помаду и начинает чувственно красить губы... – Я достала помаду, запрокинула голову и сделала вид, что красюсь. – Дальше камера показывает нам серую машину и в ней – мужчину в костюме. Он хмурится, и вдруг видит нашу героиню. Она садится к нему в машину, улыбается своими

сексуальными красными губами... – Я улыбнулась. – Можно сделать вариант для ночного показа – девушка садится в машину, достаёт тюбик помады и снимает колпачок губами... вот так...

И только я начала стягивать с помады колпачок, как мой взгляд неожиданно переметнулся с обалдевших американцев на Юрьевского.

Я поперхнулась этим самым колпачком, выплюнула его, и он со звоном покатился по полу.

Чёрт бы его подрал! Ну зачем смотреть на меня так, как будто я не рекламу рассказываю, а делаю ему минет!

– Прошу прощения, – я поставила тюбик с помадой обратно на стол и обворожительно – ещё обворожительнее, чем раньше – улыбнулась клиентам. – Всё же из меня плохая актриса. Но вы меня поняли, да? Добавляем немного открытости и чувственности для ночного эфира. Герой смотрит на героиню, точнее, они смотрят друг на друга – и серый невзрачный мир постепенно начинает раскрашиваться в яркие цвета. Рекламный слоган: «Будь ярче!» Это будет очень эффектно, господа. Серость и скудность сменится буйством красок и чувственностью.

Американцы восторженно закивали, показывая мне свои отбеленные зубы. Потом один из них спросил, не нужно ли сделать акцент на натуральности косметики, и я пустилась в рассуждения о том, что у нас сейчас каждая первая косметика натуральная и этим уже никого не удивишь, а нам нуж-

но привлечь внимание, шокировать, сделать бренд узнаваемым...

Мишин глядел одобрительно, американцы – восхищённо, и я изо всех сил старалась смотреть только на них, не обращая внимания на жаркие взгляды Юрьевского.

Забыть, значит, да? Забудешь тут, когда тебя мысленно давно раздели.

И весь ужас в том, что ты, Светка, как бы и не очень против.

Что же за коньяк мне такой попался, а?..

После моего выступления настала очередь Мишина, и тот быстро расправился с финансовой частью. Американцы покивали и решили пойти на обед, хотя как по мне, так это был уже скорее ужин – время подваливало к пяти вечера.

Сергей вызвался с ними, а я осталась в переговорной – собирать бумаги и искать колпачок от помады. Можно было забить, но в таких вещах я, увы, педант.

Я как раз наклонилась, чтобы заглянуть под стол, когда услышала над собой бесстрастный голос Юрьевского:

– Это ищете?

Резко выпрямилась и выдохнула, глядя в его лицо.

Какой же он красивый, сволочь. Высокий, статный, глаза серые, как будто стальные, и лицо волевое. И волосы тёмные, до плеч, даже на вид мягкие. А уж по единственной седой прядке у нас полконторы вздыхает. Романтично же.

А ещё от генерального так пахло... У меня от этого запаха голова немного закружилась. Мужской и очень свежий аромат.

Я вдохнула поглубже и блаженно улыбнулась.

– Света? Что с вами?

Чёрт.

– Извините, – я попыталась убрать улыбку, но не смогла.

Юрьевский смотрел на неё с подозрением.

– Вы опять пили?

– Нет, – я взяла у него из руки колпачок от помады. – Просто вы хорошо пахнете.

На секунду генеральный утратил свою невозмутимость.

– Что?..

– Пахнете хорошо, – я пожала плечами. – Туалетная вода или что там у вас. Вкусно.

Он вдруг ухмыльнулся и сказал:

– А вы хорошо снимаете губами колпачок с помады. Очень эротично.

– Старалась, – согласилась я, пытаюсь скрыть смущение. – Визуализация всегда помогает во время презентации.

– Особенно такая, – он хитро улыбнулся. – Тут и у статуи бы что-нибудь в штанах зашевелилось.

– А вы всегда думаете только о сексе?

– Не всегда. Но когда красивая девушка в вызывающем платье губами снимает колпачок с помады – да, думаю.

– В вызывающем? – опешила я. – Чем это оно вызывающее?

– Например, цветом.

– Ну и всё, – сказала я недовольно. – Или на вас красный цвет действует, как на быка?

Юрьевский нахмурился.

– Договоритесь, Крылова.

– С америкосами? – Я сделала вид, что не понимаю его. – Конечно, договорюсь, не волнуйтесь.

Он ухмыльнулся и покачал головой.

– Мало я вас обрабатывал, Света. Надо ещё.

Блин. Ну почему, почему в этот момент, когда он сказал это, я до ужаса возбудилась? К тому же и губы облизнула.

Юрьевский проводил взглядом мой язычок и сказал так спокойно, будто говорил не ужасную пошлость, а сводку погоды зачитывал:

– Думаю, ваши губки умеют работать не только с помадой, но и с членом. Я прав?

Да что же это такое, Света. Что с тобой?! Ты всегда была приличной девочкой, а тут вдруг... Стоишь и представляешь, каково это – делать ему минет.

С ума сошла.

Точно к психологу надо. А лучше сразу к психиатру.

– Не ваше дело, – буркнула я, опустила глаза, подхватила папку с бумагами и выскочила из переговорной.

И несколько секунд, шлёпая до двери, я чувствовала взгляд Юрьевского на своей заднице.

Проклятье!

Пришедший после ужино-обеда с америкосами Мишин рассказал мне по секрету, что они в восторге и готовы чуть ли не ноги мне целовать. Попросил доработать проект с дизайнерами и удалился в кабинет генерального. А я под шумок сбежала из офиса, благо рабочий день уже закончился.

И на меня опять накатила тоска. Вроде говорят – дома и стены помогают, но оказывается, не всегда. Иногда очень хочется сбежать от этих самых стен. И не видеть ничего, что напоминало бы о случившемся.

Резко захотелось выпить, и я решила, что оставаться в квартире больше нельзя. Оделась потеплее и выскочила на улицу.

Воздух сразу охладил щёки, чуть заморозил мою тоску. Хотя мороза на улице не было – плюс один, не меньше. Унылый серый ноябрь. Хотя теперь уже чёрный – стемнело давно.

Я решительно направилась куда глаза глядят – погуляю по району, авось легче станет – но меня вдруг окликнули:

– Света!

Видимо, идея с прогулкой всё же была неудачной.

Неподалеку от подъезда, переминаясь с ноги на ногу, стоял Андрей. Увидев его, я отвернулась и зашагала в противоположную сторону, не говоря ни слова.

– Света! – он метнулся за мной, попытался взять за руку, но я выдернула ладонь. Кожа у моего почти бывшего мужа была холодная, видимо, долго ждал и замёрз. – Пожалуйста, давай поговорим!

– Отстань, бога ради, – сказала я усталым голосом. – Я вышла прогуляться, только чтобы не думать ни о чем. А ты сейчас опять меня собьёшь с пути к успокоению. Потом хрен уснёшь. А мне завтра на работу.

– Света...

Я всё-таки остановилась, уставилась на Андрея.

Выглядел он плохо. Глубокие карие глаза, которые я когда-то так любила, лихорадочно блестели, под ними залегли тени. И он будто бы похудел.

И нос до сих пор чуть опухший...

– Ну что тебе от меня надо? – вздохнула я. – Вещи хочешь забрать?

Андрей покачал головой.

– Нет. Я вернуться хочу.

– Чего? – я даже сделала шаг назад. – Ты что говоришь такое? Совсем сдурел?!

– Свет... – он приблизился ко мне, вновь попытался взять за руку, но я опять не далась. – Я тебя люблю. Не Сашку. Ты меня тогда не дослушала...

– Я и сейчас не хочу слушать, – перебила я Андрея. – Мне до этого дела нет. У Сашки будет ребёнок, твой ребёнок. Вы меня год обманывали. По-твоему, это можно забыть и про-

стити?!

Кажется, я начала плакать.

– Я понимаю, Свет, понимаю...

– Да ни хрена ты не понимаешь! – завопила я, подошла ближе и треснула его по щеке. Сильно. – Ни чёртового ё***ого хрена ты не понимаешь! Я тебя ни видеть, ни слышать не хочу. А ты – вернуться! Тошнит меня от тебя! Так понятнее?! Тошнит!

Андрей перехватил мою руку, которой я только что его била, притянул к себе и обнял – сильно-сильно.

Раньше я так любила его объятия. Ведь с них всё и началось. Я рассказывала ему про родителей, и он меня обнял. Молча слушал, гладил по спине и обнимал.

– Уходи, – прошептала я в его пальто, глотая слёзы. – Думаешь, я такая глупая? Я знаю, что ты её не любишь. Но Сашка-то тебя любит. И ты теперь за неё в ответе. За неё и за ребёнка.

– Я не хотел причинять тебе боль, Свет, – шепнул Андрей мне в волосы. – Правда, не хотел. В первый раз это по пьяни случилось, а потом Сашка как специально...

– Она и специально, – я засмеялась. – Она же тебя любит с пятнадцати лет. Вот и решила завоевать. А на войне все средства хороши.

– Пожалуйста, прости, – он приподнял мою голову, заглянул в глаза. – Пожалуйста, Свет.

– Я тебя прощу, – сказала я спокойно. – И Сашку тоже. Но

не сейчас, а просто... когда-нибудь. Может быть, через год. Или через десять лет. Я не знаю. Но не сейчас. А сейчас... просто уходи.

Андрей хотел поцеловать меня, но я не далась. Отвернулась, и его губы только коснулись щеки.

– Я люблю тебя, Свет.

– Теперь это уже неважно, – ответила я глухо, вывернувшись из его рук и зашагала обратно к подъезду.

Прогулки точно не получится. Поэтому... будем пить. И смотреть мелодрамы.

Пить я всё же не стала. Надо бороться с этой пагубной привычкой. Зато налопалась шоколада так, что живот опух и изжога началась.

Вставать утром было сложно. Голова раскалывалась, но уже не от похмелья, а от слёз. Конечно, когда полночи ре-вёшь в подушку, выглядеть утром королевой красоты и грации – это, как говорится, фантастика.

Сегодня никаких америкосов и вообще встреч, поэтому долой красные платья. Наденем джинсы и красный свитер. Красные глаза, красный нос, красный свитер – полная цветовая гармония.

Первая половина дня в офисе прошла относительно спокойно. Я доделывала проект для «Эдельвейса», и о том, почему Юрьевский меня уволил, коллеги больше не спрашивали. Почти рай.

В час дня я почувствовала, что хочу есть. Из-за съеденного накануне шоколада я не стала завтракать, и мой желудок теперь бунтовал и выводил дикие укоризненные трели.

Я взяла кошелёк, тихонько выскользнула из-за стола и, предупредив соседку о том, что отлучусь на обед, поспешила к лифтам.

Очутившись в лифтовом холле, я мысленно чертыхнулась. Ну почему я решила пойти на обед именно сейчас...

Подождала бы хоть пару минут!

Может, сделать вид, будто я что-то забыла в офисе? Развернуться и уйти, сказав глубокомысленное «Ах, да»?

Поздно. Он уже меня заметил.

– Добрый день, Света, – сказал Юрьевский, внимательно глядя на меня. Очень внимательно. Пожалуй, даже слишком.

– Добрый, Максим Иванович, – ответила я бесстрастно и встала рядом.

– На обед? – спросил он так же безэмоционально.

– Да.

Лифт запищал, открыл двери. Пустой. Чёрт... Были бы ещё люди, мне было бы спокойнее. Хотя среди белого дня ничего случиться не может, но всё равно как-то не по себе.

Мы вошли внутрь, двери медленно закрылись, и лифт пошёл вниз. Секунды две он шёл... А потом бац – и остановился. И замер.

– Разве уже приехали? – удивилась я. Лифты у нас тут, конечно, космической скорости, но не до такой же степени.

Юрьевский нахмурился.

– Не думаю. Видимо, мы застряли.

– Чего? – перепугалась я.

– Застряли, говорю. – Генеральный шагнул к панели с кнопками, нажал на одну с микрофончиком, чуть наклонился и сказал: – Добрый день, уважаемые. Лифт «Ц» застрял. И мы вместе с ним.

– Знаем, – буркнули оттуда мужским голосом. – Уже ис-

правляем.

– Спасибо, – поблагодарил босс. Ишь ты, каким он умеет быть вежливым.

Отвернулся и отошёл на прежнее место, только вместо того, чтобы смотреть на дверь, уставился на меня. Я занервничала.

И в полной лифтовой тишине вдруг раздалась душераздирающая трель моего многострадального желудка...

Да уж, Света. Очень сексуально.

Юрьевский усмехнулся и спросил:

– Голодны?

– А не слышно? – я попыталась быть язвительно-ироничной, чтобы он не понял, насколько я смутилась.

– Да. Это было громко. Но кричите вы всё же громче.

Я не сразу поняла, что он имеет в виду, а когда поняла, почувствовала, что начинаю краснеть. Не знаю даже, от злости или от смущения.

– А вы молчите. Только сопите в ухо.

– Да, я не очень разговорчивый, – согласился Юрьевский.

– И не люблю разные нежности. Но вам всё равно понравилось.

От возмущения я надулась, как рыба-меч.

– Максим Иванович, – процедила я, косясь на панель с кнопками. – А вы понимаете, что нас могут услышать?!

– Могут, – он пожал плечами. – Ну и что? Я не женат, вы теперь тоже почти не замужем. Чего стесняться?

Офигеть. Я даже с ответом не нашлась.

Попыхтела немного, а потом сказала:

– Совести у вас нет.

– Нет, – согласился Юрьевский. – И я по ней не скучаю. Лишняя деталь. А вы всегда носите красное? Красное платье, теперь красный свитер...

– Не всегда. Но часто. Красный цвет... делает меня ярче. Я по жизни бледновата, а как одену красное – так вроде и ничего.

– Бледноваты? – переспросил он, изучая моё лицо, и я пояснила:

– Не в смысле цвета кожи. У меня не запоминающаяся внешность. Не яркая, не вызывающая. Понимаете?

Юрьевский помолчал немного, глядя на мою мордашку. Потом взгляд его пополз вниз – к груди, животу, бёдрам... весьма откровенный взгляд.

Как он умудряется быть таким пошляком, даже ничего не говоря?! Как?!

– Это полный бред, – вдруг заключил генеральный, и я кашлянула. – Вы очень привлекательны. А задница у вас так вообще обалденная.

Я вновь кашлянула, посмотрела на панель с кнопками. Панель молчала.

Хоть бы этого никто не слышал...

– И грудки аппетитные. Я такие как раз и люблю. Небольшие, остренькие.

Всё. Цветом я сравнялась со свитером.

– Прекратите, я вас умоляю!

– Я предпочитаю, чтобы меня умоляли в другом месте, – сказал Юрьевский насмешливо. – И не шипели, как змея, а кричали.

– Вы специально?!

– Как вы догадливы, – теперь в его голосе насмешка чувствовалась ещё сильнее. – Иначе вас не расшевелишь. Лицо невозмутимое, глаза заплаканные. Вы что, ревели полночи?

– Не ваше дело, – буркнула я.

– Моё-моё. Доведёте себя, кто будет доделывать проект для американцев?

– Дед Пихто и бабка с пистолетом, – огрызнулась я.

– Дед Пихто – это вы, как я понимаю, про меня, – выдал генеральный очередную пошлость. – А бабка с пистолетом – это кто? Мишин, что ли? Он, скорее, папка. И не с пистолетом, а с целым ружьём.

– А вы видели?

Он не понял. Жа-а-аль. Ничего, сейчас я объясню.

– Что видел?

– Ружьё его. Он снимал штаны и показывал его вам?

Юрьевский несколько секунд смотрел на меня, а потом фыркнул.

– А вы умеете пошлить. Надо же.

– А с вами по-другому нельзя. Знаете, как со строителями надо матом разговаривать, так и с вами – пошлостями. Иначе

вы зачахнете, как цветок без компоста.

Генеральный, кажется, хотел что-то ответить, но не успел. Лифт вдруг рухнул вниз.

Именно так – рухнул. Не поехал, а сорвался.

Я взвизгнула... и почти запрыгнула на Юрьевского. Обхватила руками всего-всего, прижалась... хорошо хоть ноги на него не забросила.

– Что за **аная х**ня? – завопил он, обнимая меня крепче.

И тут лифт резко остановился. Настолько резко, что у меня закружилась голова и зашумело в ушах. И мы с генеральным упали на пол, как бутерброд с маслом падает со стола – то бишь, маслом вниз. Маслом, разумеется, оказалась я.

А Юрьевский грохнулся сверху, зашипел – явно ушиб себе что-то, – и поднял голову...

Конечно, по закону подлости двери лифта разъехались именно в этот момент. И мы с генеральным смогли лицезреть толпу совершенно охреневших людей, которые пялились на нас так, будто увидели внутри кабинки слона. Розового.

– Э-э-э... – протянул какой-то парень из толпы. Кто-то хихикнул, и я уже ждала пошлого комментария, но не дождалась – Юрьевский подхватил меня под руки, поставил на ноги и буквально вынес прочь из этого взбесившегося лифта.

– Так и клаустрофобию недолго подхватить, – пробурчал он, останавливаясь неподалеку и отряхивая брюки. – Вы в порядке?

– Кажется, – ответила я чуть охрипшим голосом. – Только попу отшибла немного. И голос сорвала.

– Да, визжали вы знатно, – согласился генеральный. – Я почти оглох.

– Почти не считается.

Он усмехнулся.

– Согласен. Вы куда пойдёте обедать?

– В столовую нашу, которая внизу, где вход в парковку, – сказала я удивлённо. – А что?

– Я с вами. Что-то после этих застреваний и падений мне резко расхотелось есть. Может, посмотрю на вас – и захочу.

Я нахмурилась.

– Лучше не надо. Будете пошлости говорить, мне аппетит испортите.

– Не буду. На сегодня пошлостей достаточно. И не спорьте. Нам с вами предстоит ещё один лифт на пути в столовую, и кто будет вас спасать, если он застрянет?

Я подумала и предположила:

– Дед Пихто и бабка с пистолетом?

Юрьевский засмеялся уже вполне по-доброму.

Вот умеет быть нормальным, когда захочет...

Чуть позже, в столовой, генеральный тоже вёл себя нормально. Не пошлил, спокойно ел, спрашивал что-то по текущим и прошлым проектам. И лифты больше не застревали, так что в офис мы вернулись сытые и спокойные.

Странно, но вечером мне стало легче. То ли на меня так подействовали издевки Юрьевского, то ли я просто начала отходить от случившегося. Не знаю. Но на выпивку не тянуло. Я накачала себе книжек в «читалку» и уселась на диван, вдруг ощутив кайф от того, что никого не нужно кормить и обхаживать после тяжёлого рабочего дня. Пусть этим теперь Сашка занимается.

Сашка. Надо же, как всё обернулось. Когда наши родители погибли в авиакатастрофе, я все пороги оббегала, чтобы на сестру опеку оформить. И работала как вол, лишь бы у неё всё было.

У неё всё и было. Абсолютно всё... кроме Андрея. А вот у меня, наоборот, ничего не было. Только он. И Сашка решила, что и быть не должно... Всё ей, всё. И его тоже.

Глупая ты, сестрёнка. Впрочем, я тоже не особо умная. Надо было тебя по-другому воспитывать... А я любила и баловала. Лишь бы тебе не было так же тяжело, как мне.

Никогда не понимала фразу: «Благими намерениями вымощена дорога в ад». Теперь понимаю. Хочешь как лучше,

а получаешь... нечто совсем другое.

Странно, что Саша до сих пор не позвонила и не пришла. Настолько мучает совесть? Или не совесть, а ранний токсикоз?

Впрочем... чем дольше она не приходит – тем лучше. По правде говоря, я совсем не хотела её видеть.

.

Ревность – великая сила.

Я никогда не ревновала Андрея. Ни разу в жизни. Он, правда, и повода не давал...

Тогда с какого рожна я ревную Юрьевского?! Да ещё и до звёздочек в глазах и шума в ушах.

И не говори мне, Светка, что это коньяк виноват! Хватит уже оправдываться!

А началось всё с того, что по офису примерно в двенадцать часов дня прошагала девушка, которую раньше я у нас никогда не видела. Остановилась возле моего стола в явной растерянности, улыбнулась и спросила:

– Простите, а где здесь приёмная генерального директора? Была же у вас, но так давно, что никак не могу вспомнить...

Мне сразу же захотелось улыбнуться ей в ответ. Бывают такие люди – со светлой, лёгкой аурой. Видишь и понимаешь – хороший человек.

– А вон, – я махнула рукой. – А вам... назначено?

– Не-а, – девушка стащила с головы смешную шапку с

ушами по бокам и пригладила растрепавшиеся волосы. – Но ничего, прорвусь.

Я только хотела сказать, что если ей не назначено, то вряд ли получится, но не успела – незнакомка пошла к приёмной Юрьевского. А я даже привстала – решила посмотреть, что будет дальше.

Девушка была невысокой и пухленькой, но с чёткой талией, крепкими бёдрами и большой грудью. Прямо секс-бомба. И волосы очень густые, коса толстенная...

Красивая.

Тут меня кольнуло ревностью в первый раз.

А потом дверь приёмной открылась, и оттуда вышел сам Юрьевский. Остановился, удивлённо рассматривая незнакомку... и улыбнулся.

Я даже не знала, что он умеет так улыбаться...

– Ты что это тут делаешь? – спросил мягким тёплым голосом, и меня вновь кольнуло ревностью.

Неужели у него есть девушка?! Вот эта?!

С ней мне точно не тягаться...

– Привет, Макс, – сказала она не менее тепло и радостно, взмахнув небольшим пакетиком, который держала в руках. – Влад просил тебе документы какие-то передать. Он вторую неделю гриппует и сходит с ума от безделья.

– Тебя не заразил ещё? – Юрьевский шагнул ближе, смотря на неё с беспокойством.

– Как видишь, – фыркнула девушка. – Зараза к заразе не

пристаёт!

– Ты сейчас куда? В институт?

– Ага.

– Пошли, я тебя обедом покормлю, – генеральный подхватил её под локоток и повёл по направлению к выходу. – А то ты опять, небось, не завтракала.

– Завтракала, – снова фырканье. – И, между прочим, я на диете.

– Глупости. Если ты похудеешь, Влад этого не переживёт. Уложит в постель и будет кормить булочками.

Это была последняя реплика, которую я слышала. После Юрьевский и его очаровательная знакомая вышли в коридор, и я больше не могла подслушивать, поэтому решила провести разведку боем.

Секретаря Максима Ивановича звали Викой. Работала она с ним давно и наверняка должна была знать эту девушку.

– Слушай, Вик... – протянула я, останавливаясь возле секретарской стойки. – Тут к Юрьевскому пришли...

Вика, увлечённо красящая ногти прямо за рабочим столом, вздрогнула и чуть не уронила тюбик с лаком.

– Что, уже?!

– Да нет, – я поморщилась: запах в приёмной был не очень приятный. – Он там, в коридоре, девушку какую-то встретил. Ты не знаешь, кто это?

– У меня, по-твоему, не глаза, а рентгеновский аппарат? – съязвила Вика. – Я же сквозь стены не вижу. Как она вы-

глядела-то?

Я описала.

– А-а-а... – протянула секретарь генерального. – Это, наверное, Олеся Разумовская. Похожа по описанию.

– А она кто?

– Да жена Влада Разумовского. Его ты точно должна помнить. Он друг и партнёр Юрьевского. И та-а-а-акой шикарный, – Вика томно вздохнула и закатила глаза.

Влада я помнила. Я делала рекламу для его фармацевтической компании. Только тогда он точно был не женат.

– Странно, правда? Шикарный мужик, а женился на лахудре.

Я вытаращилась на Вику и глупо захлопала глазами.

– Почему на лахудре?

– Ты же её видела?

– Ну... да.

– Разве не лахудра? Маленькая, толстая. Из красоты только волосы.

Я улыбнулась.

Вика, конечно, девушка неплохая, но, как говорила моя мама: «С параллельно-перпендикулярным строением извилин головного мозга». Для неё существовал только один стандарт красоты – из журналов типа «Гламур» и «Космополитэн». Всё остальное она тихо осуждала.

Мне же всегда казалось, что красота не может быть обычной. Всё обычное скучно, а скучное априори некрасиво.

Эта Олеся была необычной. И судя по всему, Юрьевский немножко влюблён в жену своего друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.